

БЕСЕДЫ БЫВАЛОГО ВОИНА

Смелость, находчивость, расчет

Как-то речь зашла о том, что в бою нужнее: отвага, риск или расчет и выдержка.

Долго спорили. Наконец, подошел гвардии старшина Семенов и сказал:

— Все, друзья мои, нужно бывает в свое время. В доказательство я могу вам привести пример из моей боевой практики. Вот хотя бы взять весеннее наступление 1944 года, — начал Семенов, облокотившись правой рукой на небольшой, стоявший у стены, шахматный столик. — Прорвали мы оборону противника. Несколько дней немцы так бежали, что мы их догнать не могли.

Наш минометный взвод был придан десантной роте. Командира взвода тогда ранило, и взводом командовал я. Продвигались мы с такой быстротой, что боеприпасов доставлять нам не успевали, и поэтому мы действовали как автоматчики. Подошли, помню, к небольшой речушке, а за нею... Вот, смотрите сюда, — сказал Семенов молодым товарищам, взяв в руки несколько первых попавшихся шахматных фигур и расставляя их в том порядке, в каком примерно располагались огневые точки противника в тот момент боя, о котором он рассказывал.

— Прямо против нас — две немецких батареи. Бьют по нам с фронта. Слева и справа большие группы автоматчиков ведут кин-

жальный огонь. На левом фланге — небольшие кустики, на правом — осока, и река делает небольшой изгиб в сторону противника. Как бы вы тут действовали? — спросил Семенов своих собеседников.

— Я бы в обход пошел по кустарникам, — ответил ефрейтор Сингатулин.

— И не прошел бы, — возразил ему Семенов. — Во-первых, кустики немногим лучшее укрытие, чем осока, а во-вторых, по логике вещей, противник, безусловно, предполагал возможность этого варианта и вел за кустарником тщательное наблюдение.

Я принял другое решение. Повел свой взвод по осоке. Во-первых, потому что на этот вариант нашей атаки немцы меньше всего рассчитывали и, во-вторых, потому что там река была уже под самым носом у противника, и внезапное наше появление в такой близости от немецких траншей неизбежно должно было вызвать среди них замешательство, что гарантировало нам успех переправы. Вот вам расчет. И должен вам сказать, расчет мой оказался правильным. Воспользовавшись еще, к тому же наступившими сумерками и моментом, когда немцы сильно увлеклись перестрелкой с левофланговой группой наших бойцов, мы переправились через речку совершенно незаметно для противника и стремительной атакой выбили с занимаемых позиций вражеских минометчиков.

Но справа и слева от нас оставались еще автоматные роты противника, которые тотчас бросились на нас в контратаку. Тогда мы, не теряя времени, развернули на врага за-

хваченные нами минометы и немецкими же минами отбили атаку гитлеровцев. Вот вам находчивость.

Нельзя сказать, что нужнее в бою: расчет, риск, отвага, выдержка или находчивость. Иной раз помогает то, а иной раз — другое. Мы должны обладать всеми этими качествами и в нужную минуту применять их, — закончил Семенов.

И все согласились с доводами бывалого воина.

Выстоять, отбить — это значит победить!

Спокон веков твердили в мире, что ног у лошади четыре, но лишь о камешек споткнется, на землю бац — и расшибется! А речь к чему? Да все к тому, что враг пока еще ногаст, но наш боец стоять горазд! И коль уж принял он присягу, стоит в огне, назад ни шагу! Я приведу пример простой. Вот Загитбаев, наш герой — один с пятнадцатью сражался. Они к нему, а он не сдался. Последний выстрелив патрон, схватил свою винтовку он — и ну крошить врагов прикладом. И четверем фашистским гадам тупые лбы их разможил, потом пришел и доложил: атака немцев, мол, отбита, пятнадцать извергов убито!

Иль, скажем, вот Голышкин, братцы, учитесь все, как он, сражаться. Он богатырь не раз, а дважды. Его оружие однажды с полсотни «тигров» осаждало.

«Назад идти нам не пристало, — сказал пред боем он ребятам, — не нам ли, вои-

нам-солдатам, своя Отчизна дорога? Умрем же, хлопцы, но врага и на полметра не пропустим!»

Не только страха, даже грусти в его глазах не промелькнуло, когда он поднял пушки дуло и встретил гитлеровских гадов сплошною лавою снарядов. И шайка «тигров» заметалась. И как уж только ни старалась прорваться к пушке смертоносной, но не могла и с миной постной трусливо пятилась назад.

То был не бой — кромешный ад. Земля и та в огне горела. Но, маневрируя умело, Голышкин вместе с экипажем огнем спалил шесть «тигров» вражьих. За то ему почет и слава, за то гордятся им по праву.

Ты, парень, знаю я, не трус, но все ж мотай себе на ус: коль враг лазейку где найдет и на тебя ордой попрет, замри и стой — назад ни шагу.

И как бы подлый враг не рыскал, давай отпор по-богатырски. Сломай ему рога, гадюке, а там бери гранаты в руки, и пусть фашист отбой играет.

В горах-то, знаешь, как бывает? Один лишь камешек сорвется, за ним, глядишь, другой несется, а там уж третий поскакал — и загремел большой обвал.

Уж коль стоять, так стой стеной! А час придет и грянет бой, когда ты двинешься сквозь пламень, старайся сдвинуть первый камень.

Один лишь враг покажет спину, и подвиг твой родит лавину.

Запомни: выстоять, отбить — значит, братец, победить!

Дума о знамени

Смотрю я на наше гвардейское знамя — горит оно ярко на солнце, как пламя. И думаю, братцы, я думаю свою: не даром ведь ратную нашу семью страна удостоила чести высокой, изведали гарь мы той битвы жестокой, что десять дней кряду гремела под Курском. Фашисты стянули на выступе узком десятки дивизий отборных своих и сотнями «тигров» пускали стальных, и как уж «стервятники» в небе ни выли, но мы своей клятвы, друзья, не забыли. Стояли мы на смерть врагам на пути и немцам не дали рубеж наш пройти. За это нам честью воздала страна и эту святыню вручила она.

Что может быть выше награды такой? Отчизна, гвардеец, гордится тобой! Неси эту гордость достойно вперед. Кто с этой святыней на битву идет — великая слава тому воздана, тому уж, ребята, и смерть не страшна.

Коль трудно придется среди грозной пучины: вокруг загрохочут снаряды и мины, земля раскалится, как в огне медь, и легче покажется враз умереть, чем видеть той битвы крошечное пламя, — взовьется над нами гвардейское знамя, и встанем мы, братцы, и грянем «Ура!», как некогда грозное войско Петра.

С тех пор уж ведется у нас на Руси: коль трудно — так знамя вперед выноси!

Хранится в нем наша солдатская слава, на жизнь нашу, братцы, в том знамени право, вся честь твоя, воин, и доблесть твоя. Погибнет то знамя — позор для тебя такой,

что и смертью своей не искупишь, ты славу и доблесть всей части загубишь, поступок твой честных друзей заклеямит — такого позора народ не простит!

Так лучше умри перед знаменем этим, молвою народной себя обессмертив. Пусть правнуки скажут: вот он был герой, за честь свою ратную пал головой, все отдал он в жертву и жизнь, мол, свою, но спас-таки знамя святое в бою.

А вы-то уж, братцы, умеете драться, как львы настоящие, с лютым врагом. И слава былая порукою в том, что подвиги ваши умножите втрое, что каждый гвардеец наш станет героем таким, как Карюкин, Гинтовт, Соколов, что в пламени яром победных боев, как сталь, закалится ваш воинский дух, у каждого будет сноровки на двух, сердца преисполнятся ваши отвагой, и в битвах кровавых с фашистской ватагой вы новою славой овеете стяг. Падет перед вами поверженный враг. И знамя вот это, огнем опаленное, кровью героев в бою окропленное, знамя гвардейское — знамя победное — слава священная наша заветная вещим свидетелем тяжких годов будет храниться во веки веков!

